

Хотя в источниках территориальные рамки тольтекской «империи» варьируют, автор полагает, что на севере соседями Толлана были дикие чичимекские племена, на северо-востоке — уастеки, на востоке — ольмека-шикаланка, на западе — матлатцинка. Южная граница влияния и власти Толлана простиралась до районов Шоцикалько.

Около 1175—1179 г. тольтекская федерация прекратила свое существование. В качестве причины, вызвавшей ее гибель, некоторые источники называют голод, охвативший весь район. Однако подлинные обстоятельства ее гибели были, по мнению Н. Дэвис, гораздо сложнее. Конец Толлана неотделим от судьбы его последнего правителя, знаменитого Топильтцина-Кецалькоатля. В книге приводится и анализируется ряд версий судьбы этой полулегендарной личности, при этом автор отдает в общем предпочтение следующей. Около 1166 г. правителем Толлана стал названный выше Топильтцин-Кецалькоатль. Однако правление его было недолгим ввиду конфликта, возникшего между ним и членами толланского «истэблишмента» во главе с Уэмаком¹. Конфликт этот имел прежде всего внутривластные причины: здесь столкнулись два противоположных принципа власти — личной и коллективной. Носил он и этническую подоплеку: Топильтцин-Кецалькоатль был тольтека-чичимекского происхождения, в то время как его противник Уэмак принадлежал к ноноалька. Немаловажную роль в этом деле играли и религиозные мотивы: Топильтцин-Кецалькоатль боролся против кровавого религиозного культа, культа войны, на котором как будто настаивали его противники. Наконец, закат Толлана был вызван и внешнеполитическими обстоятельствами: граничащие с тольтекской конфедерацией ее полудикие соседи доставляли им немало забот.

Весь этот комплекс внутренних и внешних причин и обусловил гибель тольтекской цивилизации. Однако (и это автор неоднократно подчеркивает) конец тольтеков был не одновременным актом, катастрофой, а скорее процессом постепенного угасания их силы и могущества. Толлан и подвластные ему территории постепенно оказались под властью ацула, под властью Коатличана. Сама столица сначала практически обезлюдела, но постепенно, ко времени ацтекской империи, стала просто одним из достаточно крупных городских центров последней. Союзник Толлана Отомпан попал под влияние тепанеков Ацкапотцалько. И лишь третий член союза, Кулуакан, некоторое время еще продолжал играть в древнемексиканской истории роль незначительного тольтекского центра.

С концом могущества Толлана начался более чем 200-летний период, завершившийся к середине XV в. образованием ацтекского государства.

Хотя тольтекская «империя» прекратила свое существование, она оставила неизгладимый след в месоамериканской культуре. Известно огромное тольтекское влияние на майя Чичен-Ицы. Велики были последствия их культурного «натиска» на соседние многочисленные полудикие народы. Само слово «тольтек» ассоциировалось у древнемексиканских народов с понятием высокой культуры. Эти и еще многие другие вопросы, на которых у нас, к сожалению, нет возможности останавливаться, обстоятельно анализируются автором.

В этой очень содержательной работе значительное место занимают также проблемы религии и мифологии, ибо сама тольтекская история в значительной степени окутана полумифическими-полулегендарными повествованиями (см. например, гл. 1, 2, 8).

Книга Н. Дэвис снабжена прекрасным справочным аппаратом и содержит большую сравнительный материал. Привлекательной чертой работы является стремление автора при рассмотрении темы четко выражать свою собственную точку зрения, касается ли это частных моментов или проблем более значительных.

В целом эта работа заслуживает самой высокой оценки.

В. Е. Баглай

¹ Проблема Топильтцин — Уэмак — одна из наиболее запутанных в американистике. Автор остановился на одном из трех наиболее возможных вариантов. Два других следующие: а) Топильтцин и Уэмак — одно и то же лицо; б) Топильтцин и Уэмак — деятели тольтекской истории, жившие в разное время.

НАРОДЫ АФРИКИ

Domination and resistance. Narrative songs of the Kafa Highlands. By Werner Lange. («Horn of Africa Studies Committee. Ethiopian Series Monograph», № 8 — «Language and Linguistics», № 2). USA, 1979, 90 p.

Сборник под общим названием «Господство и сопротивление», изданный Центром африканских исследований при Университете штата Мичиган, содержит 63 песни из репертуара народных певцов-бардов эфиопских провинций Каффа и Иллубабор. Собира-

тель и издатель этих песен В. Ланге записал их в 1972—1973 гг., путешествуя в высокогорье названных двух провинций. Собранный материал переведен с языков народов каффа, шека и оромо на английский язык. Каждой песне предшествует прозаическое изложение ее содержания, иногда в конце песни даются историко-этнографические примечания. Открывается сборник введением, написанным В. Ланге.

Как отмечает составитель, до недавнего времени преобладало мнение, будто у бесписьменных народов не может быть своей истории; подобная точка зрения до сих пор еще встречается на страницах научных изданий. Однако в предисловии справедливо указано: «... научное изучение истории и культуры бесписьменных обществ должно сосредоточиться на устном творчестве», имеющем большую историческую ценность; сверх того, оно несет «социальную функцию и существует как социальное действие» (с. 1). Материал сборника в значительной мере служит доказательством этого теоретического положения, разделяемого не только марксистскими учеными, но и многими прогрессивно мыслящими западными исследователями.

Общественное значение устного творчества В. Ланге видит в непосредственной связи народного певца с обществом. Он пишет, что песня народного певца-барда или рассказы стариков — это «не просто отражение индивидуального мнения или творчества одиночки, а скорее — общественное видение, живым глашатаем которого является отдельный художник» (с. 2). Таким образом, в понимании автора, народный певец — выразитель дум и чаяний своего народа и носитель народной традиции.

Итак, научная цель сборника ясна — показать ценность устного народного творчества как источника по истории и культуре народов высокогорья Каффы и Иллубабора. И действительно, ряд песен, включенных в сборник, отражает общественные отношения на протяжении последних трех веков в районе, известном в исторической литературе под названием Каффа.

Каффа имела древние государственные традиции. На протяжении ряда веков она представляла довольно могущественное государственное образование. В его состав некогда входили более мелкие государства — Джима, Лиму, Конта, Кулло. Между ними постоянно возникали конфликты, выражавшие стремление отдельных государств или народов выйти из подчинения верховной власти Каффы. Мотив этой борьбы за самостоятельность, столь типичный для соседствующих мелких раздробленных государств, звучит в песнях народов каффа и шека (песни 9, 10, 14, 19, 21, 39, 42).

К концу XIX в. Каффа почти полностью утратила свое могущество. Соседние вассальные государства стали уже настолько самостоятельными, что не признавали ее верховной власти. Однако экономически она оставалась еще достаточно сильной. К этому времени только Каффа не была присоединена Менеликом II к Эфиопской империи. Но в 1897 г. правительственными войскам Эфиопии при поддержке бывших вассалов Каффы удалось разбить армию Тченито, последнего правителя этого государства, и Каффа стала провинцией в составе Эфиопской империи. Эти исторические события также зафиксированы в песенном фольклоре народов Каффы (песни 7, 8, 43).

В ряде песен отразилось характерное для государств юго-западной Эфиопии сосуществование архаических отношений с патриархально-феодальными¹. Это прежде всего имущественные отношения между правителем Каффы, носившим титул «каффи тато» («царь людей Каффы») и его вассалами — в песнях говорится о том, что царь отбирал у подчиненных скот для своего двора, дарил или брал себе как компенсацию за нарушение законов страны (но иногда и возвращал его) — песни 1, 2, 3, 4.

Особое место в песнях занимает тема общественной роли бардов — народных певцов. Однако в сборнике отражена лишь одна сторона отношений бардов и общества: между ними и правителем (песни 1—5, 7). Однако известно, что певцы, особенно в феодальную эпоху, составляли определенное социальное подразделение, или касту. И отношение к ним со стороны различных социальных слоев было неодинаково. Если при царских дворах их песни рассматривали как забаву, то простой народ думал, что барды выражают его нужды, страдания, надежды, что их голос дойдет до «справедливой Судьбы» или, по крайней мере, к нему прислушается верховная власть. Во всяком случае, социальный статус бардов, о котором автор довольно подробно говорит в предисловии, не выявляется по отобранному им песням.

К сожалению, о литературной, стихотворной характеристике песен сказать ничего нельзя, поскольку сборник составлен только из переводов на английский язык: оригинальных текстов нет, а описание музыкально-танцевального исполнения вовсе отсутствует. Впрочем, на последнее сетует в предисловии и сам составитель.

Остановилось на весьма важном вопросе, который, пожалуй, наиболее ярко проявился в предисловии к сборнику, в его названии, в ряде авторских примечаний и, безусловно, сказался на отборе включенных в данный сборник песен. Сборник назван весьма категорично — «Господство и сопротивление». И действительно, во всех песнях отражено именно это отношение. В каждой песне две действующих стороны — подчиненный и господин; последний осуществляет свои права, первый ему сопротивляется. Это общее, что объединило все песни сборника. Справедлив ли такой подход к отбору материала? Думается, что скорее нет. И, видимо, потому, что подобная тенденциозность обнаруживает отсутствие научного метода отбора и обработки материала. Действительно, соби-

¹ Д. А. Ольдерогге. Население и социальный строй.— «Абиссиния», М.— Л., 1936, с. 125.

ратель свел к одной проблеме фольклор не только разных эпох, но и различных уровней социальных отношений, хотя цель его весьма благородна — показать, как народы Каффы дорожат своей культурой, как борются за ее самостоятельность и самостоятельность.

В одну рубрику — «Господство и сопротивление» В. Ланге включил конфликт между бардом и царем (песня 5), борьбу между царствующим правителем и его сыном за власть (песня 37), столкновение двух религий — древней Каффы и ортодоксального христианства (песня 31), между благополучием аристократии и тяжким положением простого народа (песня 22), борьбу между Каффой, Джиммой и Оромо (песня 42), наконец, сопротивление Каффы завоеванию ее Эфиопией (песня 43) и борьбу народов Каффы против итальянцев в начале XX в. (песни 45, 47). Как видим, общее-то во всех песнях есть, но, пожалуй, критерий — любая борьба, любое сопротивление — если не наивный, то уж во всяком случае, ненаучный. При таком подходе к отбору материала, неизбежна односторонность в изображении действительности. Это ярко проявилось в оценке автором сборника исторической судьбы каффских народов, как в эпоху до включения Каффы в состав империи Менелика, так и после этого, вплоть до революции 1974 г.

В своем предисловии В. Ланге пишет: «В содержании этой поэзии ясно выражено стремление покоренного народа крепко держаться за свою культуру. В течение большей части XX в. народы каффа и шека подвергались культурному и политическому давлению и социально-экономической эксплуатации *прежнего режима* Эфиопии» (курсив В. Ланге) (с. 1). Далее в примечании к песне 7 на с. 15 читаем: «Шоанское правление (имеется в виду центральная власть Эфиопии после включения в ее состав и Каффы — К. К.) в Каффе привело к беспримерной эксплуатации всех слоев населения... песни отражают, что они (барды — К. К.) знали лучшую жизнь до завоевания... северное правление привело каффа и шека к застою культуры и экономическому обнищанию». Из этих слов очевидно, что автор сборника симпатизирует сторонникам сохранения независимости Каффы на протяжении всей ее истории и резко осуждает подчинившую Каффу Эфиопию. Вряд ли подобные внеисторические оценки приемлемы для историка или этнографа. Мы знаем, что исторический процесс — это и постоянное движение народов, и завоевание одними государствами других народов и государств, и борьба покоренных народов за независимость. Этот процесс включает и культурную адаптацию, и сохранение оригинальных, самобытных этнических черт, и очень многое другое.

В русле общен исторического процесса складывания высокоразвитых государственных форм на территории Эфиопии Каффа отнюдь не представляет ничего исключительного, что ставило бы ее в особое положение, требующее сохранения ее уникальной культуры, за что ратует собиратель сборника. С середины XIX в., начиная с негуса Теодора, активно шел процесс формирования феодального государства Эфиопии, точнее — империи Эфиопии. Это был объективный исторический процесс эволюции государства. Наивно обвинять теперь правителя тогдашней империи в насилии и эксплуатации, ибо ко времени завоевания Менеликом Каффа как самостоятельное государство уже доживала последние дни, что было также объективным результатом ее исторического развития. Если бы Эфиопия к XX в. не сложилась в мощное единое государство, то вряд ли В. Ланге смог бы сейчас записать песни каффских бардов об успешной борьбе партизан Каффы с итальянскими агрессорами в период первой итало-абиссинской войны. Всем известно, что победу Эфиопии обеспечили ее единство, общенациональный патриотизм и целенаправленность государственной политики.

Если обратиться к этнографии, то и здесь мы обнаружим, что автор проявил излишне агрессивную эмоциональность по отношению к явлению «культурной адаптации». «В этническом отношении последствия завоеваний ... могут быть сведены к трем основным вариантам: 1) завоеватели полностью ассимилируют побежденных; 2) победители почти бесследно растворяются в аборигенах; 3) происходит синтез этнического суперстрата и субстрата, в ходе которого возникает новый этнос»². Какая из означенных тенденций преобладает в нашем случае? Безусловно, третья.

Никто не станет отрицать, что народы современной Каффы сохраняют многие свои этнические особенности, в первую очередь языки. Однако ни для кого не секрет, что на протяжении многих веков неумолимо идет процесс расширения и углубления культурного единства всего обширного региона, заселенного разными народами Эфиопии. У этих народов, в том числе и каффа, этнографы обнаруживали уже издавна много общих черт культуры — единый тип одежды, прототип которой хранят наскальные фрески тысячелетней древности, однотипные сельскохозяйственные орудия, один тип ткацкого станка, однообразные виды жилища и других построек, музыкальные инструменты одного вида по всему региону, одинаковые виды пищи и общие для них названия и многое другое. Общая тенденция к культурному единству прослеживалась как ранними исследованиями, так и современными³. И если народы Каффы сохранили на протяжении многих веков черты, только их культуре присущие, то это говорит об их устойчивости. Однако при этом нельзя не учитывать и общий процесс консолидации народов Эфиопии и их культур, в том числе и Каффы, в общезионопский культурный комплекс.

² В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — «Сов. этнография», 1968, № 2, с. 35—56.

³ F. J. Bieber, Kaffa. Wien, 1923; М. В. Райт. Народы Эфиопии. М., 1965; А. Бартницкий, И. Мантель-Нечко. История Эфиопии. М., 1976.

В. Ланге неоднократно упоминает о «тоске по золотому веку добрых правителей». Подобная ностальгия — не что иное, как идеализация исторического прошлого, когда в народном творчестве история из фактической превращается в мифическую, идеализированную, когда неудовлетворенность в настоящем компенсируется идеализацией прошлого. Феодалная эпоха — расцвет такого творчества, когда далекое прошлое в письменных памятниках и устном народном творчестве вырастает до масштабов легенд. Собирателъ сборника преувеличивает историчность подобной информации, настойчиво подчеркивая свое негативное отношение к Эфиопской империи как якобы губителю культурной самобытности Каффы.

Сборник песен как публикация фольклора бесписьменного народа Эфиопии — явление в истории культуры безусловно положительное. Однако с научной стороны заметную тенденциозность собирателя материала, проявившуюся в отборе песен, в аннотациях к ним, нельзя приветствовать. В современных условиях революционного строительства в Эфиопии, когда там еще не решены многие внутренние проблемы, в том числе и этнические, подобные выступления на страницах научных изданий способствуют не консолидации народов молодого государства, а их разобщению, усилению сепаратистских и шовинистических настроений, т. е. тому, с чем борется эфиопская революция.

К. П. Калиновская